DOI 10.24249/2309-9917-2026-78-4-132-140

М.М. Громова (Москва, Россия)

О Лидии Чарской. Библиография (к 150-летию со дня рождения). Часть 9

M.M. Gromova (Moscow, Russia)

About Lydia Charskaya. Bibliography (on the 150th anniversary of her birth). Part 9

1915

[*Автор не указан*]. Библиография. Повести Л. Чарской // Вятская речь. 1915. №182. 26 авг. С. 4.

Отзыв на повести **«Цель достигнута»**, **«Люсина жизнь»**, **«Бичо-Джан»**: «Простота языка и изложения во всех произведениях г-жи Чарской привлекают к ее книгам симпатии и внимание юных читателей.

Что касается содержания большей части этих книг, то в нем, к сожалению для взрослых руководителей детей и юношества, талантливая, несомненно, писательница, в качестве предмета, достойного внимания и симпатий для детей и юношей, выдвигает на первый план личное материальное довольство и обеспеченное существование.

Хороша и по содержанию, а не только по изложению, книга г-жи Чарской “Бичо-Джан”, рассказ о приключениях мальчика, сына богатого и влиятельного князя; но и в ней, в заключении, автор находит сказать о герое, пережившем так много в своем отрочестве, лишь следующее: “Князь Кико Тавадзе теперь пожилой человек и богатый владелец своих алазанских (в Грузии) поместий и горных пастбищ. Но он добр и чуток, благороден и отзывчив по-прежнему. Много помогает он беднякам, и двери его дома всегда раскрыты настежь для всех нуждающихся в его помощи и совете”.

Другая повесть – “Люсина жизнь” – оканчивается хотя и маленьким, но все же общественным мотивом: после пережитых тяжелых впечатлений, героиня находит отдых в занятиях с бедными ребятишками, в шитье для них платья, белья и костюмчиков, в хлопотах по хозяйству.

Симпатичную цель преследует и Лида Воронская, главное действующее лицо в повести, названной по ее имени: она поступает артисткой на образцовую сцену, чтобы не только служить искусству, но и вырастить ребенка – сына, сделать из него хорошего и честного человека.

Во всяком случае все три повести г-же(sic!) Чарской можно дать в руки юным читателям.

Все три повести изданы с тем изяществом, с каким т-во Вольф выпускает в свет книги, назначенные для подарков.»

[*Автор не указан*]. Городская публичная библиотека // Сибирская жизнь. 1915. №240. 4 нояб. С. 2–3.

Отчет о деятельности городской публичной библиотеки г. Томска в 1914 г. «Из авторов первые 10 мест по степени спроса на них занимали: Амфитеатров (481), Чарская, детск. литература (412), Вербицкая (352), Потапенко (320), Толстой (291), Мясницкий (199), Достоевский (190), Тургенев (144) и Шекспир» (с. 3).

[*Автор не указан*]. Из епархиальной хроники // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. №4. 10 февр. С. 119–121.

«Литературно-вокально-музыкальный вечер воспитанниц Астраханского Епархиального женского училища, устроенный 28 января в 7 1/2 часов вечера в пользу “Лазарета духовноучебных заведений”, почтил своим присутствием Преосвященнейший Филарет, Епископ Астраханский и Енотаевский и много духовенства. <…>

Программа вечера была следующая: Первое отделение – 1) Русский народный гимн (хор воспитанниц), 2) **Плач родины**, стих. Чарской (воспит. К. Хованская); 3) Моя молитва, слова и музыка архиеп. Серафима (К. Анапольская, А. Щеткина)… 8) Славянский гимн, стих. Бахирева (Е. Воробьева); 9) Спаси их, Господи, мелодекламация (М. Толмачева); 10) Сербский гимн (хор); 11) Aprés la batalle, Y. Hugo (Е. Тогунова). После каждого отделения было поставлено по одной живой картине: Сестра милосердия и Тройственное согласие (Англия, Франция и Россия)» (с. 121).

[*Автор не указан*]. Новые книги // Гермес. 1915. №2(148). С. 46–48.

«**Цель достигнута**. Три года жизни Лиды Воронской. Повесть для юношества Л.А. Чарской. С рисунками И. Гурьева. Издание Т-ва М.О. Вольф. Петроград.–М. Стр. 325. Цена в изящном переплете 3 р. Новая повесть г-жи Чарской является продолжением вышедшей в прошлом году повести “На всю жизнь”. “Цель достигнута” написана столь же увлекательно, как и “На всю жизнь”. Автор рисует перед нами быт театральной школы, причем попутно выводит В.Н. Давыдова, Ю.Э. Озаровского, П.О. Морозова и В.П. Острогорского. Переживания героини за годы ее учения в школе, треволнения при экзаменах и дебютах вплоть до принятия на Императорскую сцену изображены блестяще. Бояться следует только одного, как бы пример Лиды Воронской не увлек многих юных читательниц последовать ее примеру» (с. 46–47); «**Бичо-джан**. Приключения кавказского мальчика. Повесть для детей Л.А. Чарской. С рисунками Е. Лебедевой. Издание Т-ва М.О. Вольф. Птг.–М. 1915. Имя писательницы пользуется большою известностью. Ее талант проявился с полною силою и в новой повести, взятой из жизни Грузии, в которой до сих пор живы предания о давно минувших временах; многие из них лишь красивые сказки, но многие – истинная быль. Одна из таких былей легла в основание повести Бичо-джан» (с. 48).

[*Автор не указан*]. Отчет о состоянии и деятельности Вятской Епархиальной библиотеки-читальни за 1914-й год // Вятские епархиальные ведомости. 1915. №22. 29 мая. С. 405–414.

Перечень наиболее часто спрашиваемых книг. «Из детской и народной литературы – повести и рассказы Немировича-Данченко, Чарской, Желиховской, Алшаева (sic!), Майн-Рида, Загоскина, Авенариуса, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого и др.» (с. 412).

Дикарев Т., свящ. Покровской церкви. «Вифлеемская Звезда» // Воронежские епархиальные ведомости. 1915. №52. 27 дек. С. 1337–1339.

Отчет о празднике «Вифлеемская Звезда» «для детей, отцы которых призваны в армию» в г. Валуйки. «Второе отделение праздника продолжалось по следующей программе: 1) исполнен был трижды народный гимн “Боже Царя Храни” Никольским хором вместе с духовым оркестром. 2) **Вифлеемская звезда** стихотворение Чарской (ученица). 3) Сербский и Черногорский народные гимны исп. духовой оркестр. 4) Молитва дитяти стих. Никитина (ученица). 5) Французский и Английский народные гимны – духовой оркестр. 6) Спаситель стих. А. Толстого (ученик). 7) Японский гимн и наш народный гимн “Боже Царя Храни”» (с. 1338).

Иорданская Е. Наблюдения над чтением детей в семье. (Реферат статьи Э. Вахтеровой) // Воспитание и обучение. 1915. №2. Стб. 42–51.

Реферат [Вахтерова 1914]. «Плохих книг г-жа Вахтерова особенно не боялась, “во 1) потому, что у детей, под влиянием чтения хороших книг, все же до известной степени уже развивается вкус и критическая жилка; во 2) так легко бывает, зная содержание книги, навести на мысль читателя на ее слабые стороны, если они сами не бросаются в глаза; и, наконец, в 3) вкус, понимание, критическая жилка – это нечто такое, что прогрессирует и развивается”.

К произведениям Чарской девочка относилась отрицательно; **“Юркин хуторок”** ее возмутил описанием пренебрежительного отношения „господских” детей к детям и людям простого класса. Но повесть **“Княжна Джаваха”** понравилась. Здесь захватила фабула, тип смелой, красивой и прямой девочки. “Мы взрослые, – говорить автор, – оберегаем детей от Чарской, не покупаем ее книжки, но хорошо выискивая недостатки этой писательницы, не ставим себе

более интересного вопроса: в чем ее достоинства? А ответ на этот вопрос, быть может, уяснил бы нам многое в детской психологии".

По этому поводу автор припоминает педагога Суворовского, который в одной из своих статей поставил вопрос: почему дети увлекаются Пинкертоновской литературой – и стал искать ответа. Вывод из собранного им анкетного материала привел его к заключению, что детей влечет к этой литературе "идеализация ими типа Пинкертона, который представляется им в виде героя, раскрывающего преступления, защищающего пострадавших, слабых, невинных; влечет их необычайная, таинственная обстановка, драматизм положений, яркость переживаний"» (стб. 49–50).

Книжные новости // Известия Вольфа. 1915. № 9. Разд. паг. Стб. 131–132.

«Л.А. Чарская выпустила в книгоиздательстве "Венок" новый роман из современной жизни п.з. **"Ее Величество Любовь"**, в обложке работы художника П. Русакова» (стб. 132).

Новости литературного мира // Известия Вольфа. 1915. № 10. Разд. паг. Стб. 1–2.

«Л.А. Чарская написала новый роман **"Чужой грех"**, уже приобретенный редакциею одного иллюстрированного петроградского журнала» (стб. 2).

Обзор новых книг и брошюр (Отзывы, разборы, мнения) // Известия Вольфа. 1915. № 10. Разд. паг. Стб. 149–152.

«**Ее Величество Любовь**. Роман *Лидии Чарской*. Кн-во "Венок". Стр. 206. Ц. 1 р. 50 к.

Любители легкого чтения обратят внимание на этот роман, потому что в нем масса приключений и написан он живо, бойко, интересно. Строгая художественная критика в праве однако будет упрекнуть г-жу Чарскую, что в погоне за эффектностью, писательница, не брезгует никакими приемами. Так напр., один из героев, живший в России и любивший помещичью дочку, оказывается германским штабным офицером, берет в плен возвращающихся из-за границы девушку, ее мать и жениха, спасает будто бы от расстрела жениха и за это заставляет невесту отдаться ему. Вообще приключений в романе не мало. Следует однако отдать справедливость автору: ему удалось облечь рассказанные эпизоды в литературную до известной степени форму и придать им занимательность, благодаря которой роман прочтется без скуки, а определенными кругами читательской публики даже с большим интересом, как читаются романы Вербицкой, Нагродской и др. современных писательниц» (стб. 150–151).

От Учебного Комитета при Святейшем Синоде // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1915. № 46. 14 нояб. С. 524–525.

«Книги библиотеки "Друг школы". С. Гринев. "За что мы любим родину". Петроград. 1915 г. Л. Чарская. I) **"За Царя и Родину"** II) **"Герой"**. Петроград. 1915 г. Прот. В. Магнитский. "Просветитель Руси Св. равноапостольный князь Владимир". Петроград. 1915 г. <…> одобрить для низших и средних духовно-учебных заведений» (с. 524).

Отдел Детского Чтения Комиссии по организации домашн. чтения при Уч. Отд. М. О. Р. Т. Зн. Рецензии на новые детские книги // Новости детской литературы. 1915. № 8–9. С. 17–40.

«Чарская, А.(sic!) **Цель достигнута**. Повесть для юношества. С рисунк. И. Гурьева. Изд. Вольфа. 1915 г. 325 стр., Цена не обозначена.

Л. Чарская, исчерпав, по-видимому, свой излюбленный институтский мир, начинает вскрывать перед читателем и иные области. Она трогает и цыган, знакомит с жизнью сестер милосердия, наконец, в этой повести она вводит его в мир будущих артистов – пока еще учащихся драматических курсов.

Повесть "Цель достигнута" является продолжением прежних ее повестей "За что", "Большой Джон" и "На всю жизнь". Только теперь читатель видит героиню – Лиду Вронскую(sic!) уже не институткой, а женой офицера Чермилова – рыцаря Трумвилля, уехавшего в Сибирь в командировку на три года. Лидия Чермилова, принцесса Брандегильда, у которой есть уже маленький принц, ставит себе целью добиться славы, поднять своего сына на ноги, чтобы он мог впоследствии гордиться своей матерью. Для этого она и решает поступить на сцену.

Перед читателем проходят приемные экзамены на курсы, поступление, среда товарищей, курсовые занятия и порядки, разные случаи жизни самой героини и ее коллег – то грустные, то забавные. Повесть оканчивается успешным окончанием курсов и принятием Лиды Чермиловой в числе немногих счастливцев, на образцовую сцену. Цель, таким образом, достигнута. О даль-

нейшей судьбе героини автор обещается рассказать читателям, когда они уже станут взрослыми людьми.

Что сказать об этой повести? И эта повесть, как и все прежние повести Чарской, носит на себе печать все тех же приемов, против которых мы всегда так восставали и с которыми боролись. Повесть затрагивает две темы. С одной стороны – личная жизнь; с другой – мир учащихся театральных курсов, мир будущих артистов.

Остановимся сначала на первой.

Следуя своей излюбленной привычке, уже с первых же страниц, Чарская постаралась окружить свою героиню выигрышной обстановкой, поставить ее в милую позу, осветить искусственным эффектным светом. Лидия Чермилова пришла за справкой на курсы, и читатель сейчас же становится свидетелем ее милых, полудетских, институтских выходок: секретарю канцелярии она делает, по старой привычке, глубокий реверанс, мило путает свою фамилию, посвящает его во все детали своей жизни, вплоть до того, что у нее есть рыцарь Трумвилль и маленький принц, и что она, – принцесса Брандегильда.

Следя за дальнейшими ее шагами, все более убеждаешься, что Лида Чермилова не жизненный, не реальный тип. Это, действительно, только тоненькая, как она сама себя любит называть, принцесса Брандегильда, внутренний мир которой, несмотря на внешние проявления ее благородства, талантливости и сильной воли, все же проходит незамеченный читателем. И понятно почему.

Сеть изящных, эффектных моментов, милых ужимок и прыжков, опутывая сознание, положительно мешает юному, а, значит, не окрепшему еще читателю рассмотреть суть, критически отнестись к внутреннему содержимому. Но если бы читатель смог всмотреться, он обнаружил бы странное направление в мыслях и поступках героини.

“Для тебя одного, – говорит она своему сыну, – я должна завоевать будущее, для тебя буду стараться работать, стать большой и сильной, чтобы ты мог вполне гордиться твоей маленькой мамой, чтобы ты мог жить радостно, весело и светло”.

Разве в этих словах не сквозит крайняя узость взглядов, отсутствие не только общественных идеалов, но и идеалов и задач искусства, как такового.

Далее, мы видим не менее странные взгляды на самостоятельность в жизни. Героиня хочет сама зарабатывать, скрепя сердце, берет средства у отца, когда терпит нужду, тратит деньги прислуги-Саши, и в то же время не берет почему-то денег от рыцаря Трумвилля, который, вероятно, отлично устроился в командировке. Если проанализировать мотивы – не трудно обнаружить их полную несостоятельность. Мы вовсе не обязываем автора давать определенные типы, он волен выводить людей с их разнообразными индивидуальными особенностями, но надо выводить их так, чтобы читатель, если и не понял, то хотя бы почувствовал эти особенности, вскрыл бы их. При таких же приемах, как у Чарской, юный читатель с трудом это вскроет, да он и не будет пытаться вскрывать, потому что с первых же шагов погружается в атмосферу красивых поз, движений и выходок, так мало гармонирующих с серой действительностью. Его мысль парализуется… Тут уже не до анализа – успевай только ловить и переживать смену зрительных и слуховых ощущений. Словом, получается уже известное нам действие приемов Чарской на читателя. Поклонники Чарской, в доказательство достоинств ее произведений, прежде всего и приводят то увлечение, с каким дети ее читают. Но нам совершенно понятны причины и ценность такого увлечения. Иной взрослый человек, попадая в плохенький кинематограф, отлично сознает это, однако досиживает до конца – его завлекает безостановочность движения. Подобное же действие оказывают повести Чарской и можно судить, как захватывают они юного, неокрепшего читателя! Манит и опутывает его паутинная ткань нарочно подобранных эффектов, безостановочных движений и мешает ему видеть за них более существенное.

Если мы перейдем теперь к другой стороне повести, где освещается мир начинающих артистов, то и здесь увидим сплошное недоразумение: это все те же гимназисты, юнкера и кадеты из прежних повестей, но в другой форме; это все те же институтки, но в других платьях, – красивые и некрасивые, грубые и изящные, глубокие и поверхностные… Все те же школьные выходки, те же надзирательницы, в роде институтских классных дам… Когда, например, окончились экзамены, Боб прогремел своим басом “ура”, Федя Крылов вскочил на кафедру и оттуда заявил, что он всех нас любит “как сорок тысяч братьев любить не могут”, и предложил перейти на “ты”: во время завтрака разыгрывается серьезная ссора-драка из-за одного лишнего пирожка, читатель слышит все те же словечки, в роде “дудки”, “ни в зуб толконуть”, “протекция в подошвах”, и пр. Все это еще ничего бы, выходки такие – свойственны молодежи. Но дело в том, что наряду с этим вы не увидите в группе учеников отношения к искусству – они им не живут. Правда, все они преданы театру, каждый из них на первой лекции артиста Давыдова объяснял мотивы поступления на сцену… и все же мы не видим, чтобы искусство захватывало их. Нельзя

же считать чисто внешний восторг их от игры лучших артистов, мимолетные встречи с Савиной и Комиссаржевской, и тоже внешние ощущения от первых выступлений на сцене?!.. В повести читатель встретит много сценок и штрихов из личной жизни каждого, но он не услышит ни одного спора по поводу литературных типов, ни одного разногласия по поводу исполнения той или иной роли.

Что касается изложения, то здесь замечаются большие неровности – одни случаи освещены ярко и подробно, другие – скомкано. Очень подробно, например, описана болезнь и смерть кормилицы, но уже в конце повести еще более ужасный случай, когда маленький принц заболел натуральной оспой и мать должна была выступать каждый вечер на сцене, – описан бледно, наскоро, точно автор к сроку торопился дописать свою повесть.

Но каково бы ни было изложение – не оно портит повесть. Образ героини не реален, жизнь ее О140

– это легкое, красивое порхание бабочки; среда не типична.

Повесть эта, как и предыдущие, создает поверхностное отношение к книге, заставляет читателя схватывать только внешнюю оболочку и не дает углубиться в ее внутреннее содержимое – и вот в этом главные, роковые ее недостатки.

О рисунках И. Гурьева можно только сказать, что они подчеркивают основной недостаток всей повести, но даже и для этого они слишком деревянны и фальшивы. В этом отношении г. Самокиш-Судковская, иллюстрировавшая другие повести Чарской, сумела лучше проникнуться их духом» (с. 28–30).

Отдел Детского Чтения Комиссии по организации домашн. чтения при Уч. Отд. М. О. Р. Т. Зн. Рецензии на новые детские книги // Новости детской литературы. 1915. № 10. С. 15–25.

«Л. Чарская. **“Игорь и Милица”**. С иллюстрац. Н. Герардова. 1915 г. 338 стр.

Г-жа Чарская выступила с новою повестью, посвященною великой европейской войне. Это – полное пафоса и доведенных до точки кипения патриотических чувств обращение в беллетристической форме к молодому поколению. Тут и объяснение причин настоящей войны (“Вильгельм II, человек, которому лавры действительно-гениального Наполеона и его мировые победы не давали спать…, захотел уподобиться тому же гениальному полководцу мира – Наполеону. Его боевые мечты разгорались, воспламенялись с каждым днем все ярче, все сильнее”), тут и хвалебный гимн русскому народу, и призыв молодежи принять активное участие в борьбе, тут и… наставление девицам быть благоразумными и не бегать на войну. Все эти безвкусные, взвинченные речи и своеобразные толкования исторического момента перемешиваются с фабулой рассказа, построенной размашисто и развязно, без долгих размышлений о том, что выходит из-под пера. Большую услугу оказали на этот раз г-же Чарской лубочные картины, газетные заметки о геройских подвигах наших воинов, а также рассказы очевидцев, а то и просто болтовня досужих людей, дополняющая и расцвечивающая эти сведения. Так, рассказ о маленьком разведчике, пробравшемся в неприятельские окопы и похитившем винты от затворов пушек, известен чуть ли не каждому. У г-жи Чарской этот подвиг совершает брат главной героини, Милицы. Но так как г-жа Чарская не приемлет действительной жизни, даже в ее героических проявлениях, то она, по-своему, прикрасила этот случай. Ее герой переплывает Дунай, взбирается на неприятельский корабль, убивает двух часовых, переодевается австрийцем, обманывая третьего часового, отвинчивает замки и, нанизав их на веревку, уплывает обратно. И все это в несколько минут, без шума, с необычайным “проворством рук”. Все слыхали также, что раненые немцы стреляли в санитаров, хотевших им помочь, и все видели лубочные картины на эту тему. У г-жи Чарской раненый немец еще свирепей. Он с трудом ползет к раненому русскому офицеру и собирается прикончить его. К счастью, поблизости случилась Милица. Она закричала, немец испугался, выронил револьвер и тут же был застрелен русским офицером.

Таких пересказов, уже слышанных случаев, в книжке немало.

Действующие в повести манекены разделены автором на добрых и злых, и добросовестно окрашены в соответствующую окраску. Злые (немцы и австрийцы) с грубыми манерами, зверскими лицами, курят зловонные сигары и совсем не благородны. Добрые – с мягким и в то же время мужественно-чистым выражением лица, поражают читателя доблестями и чудовищною преданностью не только долгу, но даже мелочам военной дисциплины. Таков, например, разговор двух братьев, – героев-сербов, оставляющий курьезное впечатление.

К концу повести г-жа Чарская, не жалевшая доселе красок для описания храбрости, закаленности и выносливости Милицы, как будто спохватывается, что своими пылкими речами может вызвать массовое подражание героине и рассердить начальниц институтов, спешит разделать

то, что сделала. Сестра милосердия, ухаживающая за Милицей, несколькими словами с успехом доказывает ей то, что старая тетка без успеха пыталась доказать на первых страницах повести, и Милица возвращается в институт, где никто никогда не узнал, что она была на войне, ранена в плечо и получила георгиевский крест.

Книжка не рекомендуется» (с. 20).

Отдел Детского Чтения Комиссии по организации домашн. чтения при Уч. Отд. М. О. Р. Т. Зн. Хроника. Что и как читают ученики гимназии // Новости детской литературы. 1915. № 8–9. С. 40–42.

«Каких прозаиков вы читали? – По степени читаемости прозаики расположились так: 1. Тургенев, 2. Гоголь, 3. Куприн, 4. Андреев, 5. Пушкин, 6. Чехов, 7. Лермонтов, 8. Лев Толстой, 9. Достоевский, 10. Горький, 11. Островский, 12. Н.-Данченко, 13. Григорович, 14. Писемский, 15. Чарская, 16. Вересаев, 17. Короленко. Первые восемь писателей читаются охотно во всех классах. Чарская – в III–V кл. Вербицкая названа 2-мя, Арцыбашев – одним. Эти же восемь писателей и наиболее нравятся» (с. 41–42).

Отзывы и рецензии… // Известия Вольфа. 1915. № 1. Разд. паг. Стб. 1–4.

Перепечатка отзывов на повести Чарской. **«Бичо-Джан»**: «…В повести мастерски очерчен тип гордого кавказского орленка, предательски похищенного у родителей и испытавшего ряд жестоких злоключений, прежде чем вернуться обратно в отчий замок. Задушевность рассказа и знание детской психологии – обычные качества писательницы – сказались здесь довольно ярко, и повесть «с приключениями» читается с неослабевающим интересом… Она говорит о красоте маленькой, благородной души и твердости характера, несмотря на все ниспосылаемые судьбой испытания»[1]; **«Цель достигнута»**: «Эта чудная повесть читается с большим интересом, не только молодежью, но и взрослыми. Издана книга весьма изящно на веленевой бумаге с рисунками И. Гурьева» («Котлин» 1914. 21 дек.) (стб. 4).

Отзывы и рецензии… // Известия Вольфа. 1915. № 2. Разд. паг. Стб. 1–6.

Перепечатка отзывов на повести Чарской. **«Цель достигнута»** и **«Бичо-Джан»**: [Ле-в 1914] (стб. 6).

Отзывы и рецензии… // Известия Вольфа. 1915. № 3. Разд. паг. Стб. 1–4.

Перепечатка фрагмента отзыва [Саввин 1913а] на брошюру В. Русакова **«За что дети любят Чарскую?»** (стб. 1). Перепечатка отзывов на повести **«Бичо-Джан»** и **«Цель достигнута»** [Гермес 1915] (стб. 4).

Отзывы и рецензии… // Известия Вольфа. 1915. № 4. Разд. паг. Стб. 1–4.

Перепечатка отзыва на рассказ **«На радость царевичу»** [Саввин 1913с: 531] (стб. 4).

Отзывы и рецензии… // Известия Вольфа. 1915. № 10. Разд. паг. Стб. 1–4.

Перепечатка отзывов на произведения Чарской. Повести для детей и юношества (общий отзыв), **«Бичо-Джан»**, **«Цель достигнута»**: фрагмент [Вятская речь 1915 26 авг.] (стб. 2–4).

Саввин Н.А. Опыт ежегодника детской литературы. Детская литература и журналистика за 1914 год. М.: редакция журнала «Педагогический листок», 1915. (Учительская библиотека.) 66 с.

Отзыв на повесть **«Малютка-Марго»** (с. 50), идентичный [Саввин 1914а: 624].

Фарафонтова Т.М. Красота и радость в детской книге. Доклад Т.М. Фарафонтовой. Харьков: тип. «Печатное дело», [1915]. 6 с.

«Дети сплошь и рядом набрасываются на книги ложно-художественные (Чарская, Федоров-Давыдов и др.), если вкус их испорчен или недостаточно развит. Для автора детской книги далеко не всегда похвала, что его книги читаются взасос» (с. 3).

Хроника // Известия Вольфа. 1915. № 1. С. 1–2 обл.

«Среди авторов для детей и юношества, пользовавшихся во время рождественского сезона наибольшим спросом, первое место по-прежнему занимает Л.А. Чарская. Особенным успехом пользовались в этот раз исторические повести названной писательницы: **“Смелая жизнь”**,

[1] Приведена ссылка на «Правительственный вестник» от 23 дек. 1914 г., но в единственной публикации о книгах Чарской в указанном номере нет такого фрагмента (см. [В. П. 2014]).

“Газават”, **“Грозная дружина”**, а из повестей из институтской и кавказской жизни – **“Княжна Джаваха”** и **“Люда Власовская”**. Очень значительный сбыт имела также серия автобиографических повестей Л.А. Чарской: **“За что”**, **“Большой Джон”**, **“На всю жизнь”** и вышедшая перед Рождеством заключительная часть этой серии **“Цель достигнута”**» (с. 2 обл.).

Хроника // Известия Вольфа. 1915. № 4. С. 1–2 обл.

«Повесть для детей **“Первые товарищи”** Л.А. Чарской выпущена Т-вом М.О. Вольф четвертым изданием» (с. 2 обл).

Хроника // Известия Вольфа. 1915. № 5. С. 1–2 обл.

«Повесть Л.А. Чарской для юношества **“Записки институтки”**, выдержавшая уже четыре издания, готовится теперь Т-вом М.О. Вольф к печати пятым изданием, при чем для этого издания сделаны новые иллюстрации худ. И. Гурьевым» (с. 2 обл).

Хроника // Известия Вольфа. 1915. № 7. С. 1–2 обл.

«Историческая повесть Л.А. Чарской **“Паж цесаревны”** во втором издании включена Ученым Комитетом Мин. Нар. Просв. в список книг, признанных заслуживающими внимания при пополнении бесплатных народных читален и библиотек»; «Ученый Комитет Мин. Народн. Просвещения признал заслуживающими внимания при пополнении ученических библиотек средних учебных заведений следующие издания Т-ва М.О. Вольф: “Маленькая принцесса”, повесть Ф.Г. Бернетт, в переводе А.Н. Рождественской, “Дети Елены”, рассказ Д. Габбертон, в переводе Л.Н. Толстого, “Маленький золотоискатель в Калифорнии”, рассказ Ф. Герштекера, в переводе В. Рогальского, “Давид Копперфильд” Чарльза Диккенса, “Моя первая естественная история” Л.М. Некрасовой, “Маленькие женщины, ставшие взрослыми”, повесть Луизы Олькот, в переводе Е.Г. Тихомандрицкой, “Серебряные коньки” П.И. Сталь (sic!), в переводе А.Н. Рождественской, “Севастопольский мальчик” К.М. Станюковича, **“Грозная дружина”**, истор. повесть Л.А. Чарской, **“За что?”**, повесть Л.А. Чарской, **“Княжна Джаваха”** Л.А. Чарской (5-ое изд.), **“Смелая жизнь”**, истор. повесть Л.А. Чарской» (с. 2 обл).

Хроника // Известия Вольфа. 1915. № 8. С. 1–2 обл.

«Новые издания повестей Л.А. Чарской для юношества, выпущенные Т-вом М.О. Вольф, удостоились вновь одобрения Ученого Комитета Мин. Нар. Просв., а именно: **“Газават”**, изд. 3-е и **“Паж цесаревны”**, изд. 2-ое, признаны достойными внесения в список книг, заслуживающих внимания при пополнении как ученических библиотек средних учебных заведений, так и народных читален. – Той же писательницы **“Сказки голубой феи”**, изд. 3-е, допущены в ученические библиотеки низших учебных заведений» (с. 2 обл.).

Хроника // Известия Вольфа. 1915. № 9. С. 1–2 обл.

«Вышедшие новыми изданиями две повести Л.А. Чарской **“Княжна Джаваха”** (5-ое издание) и **“Люда Влассовская”** (4-ое издание) Министерство Народн. Просвещения постановило внести в список сочинений, заслуживающих внимания при пополнении ученических библиотек средних учебных заведений» (с. 2 обл.).

Хроника // Известия Вольфа. 1915. № 10. С. 1–2 обл.

«Книга Л.А. Чарской **“За что? Моя повесть о самой себе”** в третьем издании Т-ва М.О. Вольф вновь признана Министерством Народного Просвещения, на основании отзыва Ученого Комитета, заслуживающей внимания при пополнении ученических библиотек средних учебных заведений, преимущественно женских» (с. 1-2 обл.); «Две исторические повести Л.А. Чарской для юношества, изданные Т-вом М.О. Вольф: **“Смелая жизнь”** и **“Грозная дружина”**, постановлением Мин. Нар. Просв., по рассмотрении их в Ученом Комитете, внесены в список книг, заслуживающих внимания при пополнении ученических библиотек средних учебных заведений, а также и народных библиотек и допущены в ученические библиотеки низших учебных заведений» (с. 2 обл.).

Хроника // Известия Вольфа. 1915. № 12. С. 1–2 обл.

«Историческая повесть Л.А. Чарской **“Газават”** (Тридцать лет борьбы горцев за свободу) выходит к Рождеству в новом, третьем издании Т-ва М.О. Вольф, с 10 ориг. илл. И. Смукровича и 127 копиями с картин, рисунков и портретов проф. Горшельта, проф. Грузинского, Тимма и др. русских художников, в новом, оригинальном переплете худ. П. Чеснокова» (с. 2 обл.).

Чехов Н.В. Введение в изучение детской литературы: из лекции народным учителям на летних курсах по вопросам детской литературы и детского чтения. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1915. 80 с.

«К этому направлению (романтическому. – *М.Г.*) мы относим… наиболее популярную из современных детских писательниц – Чарскую. На сочинениях последней легко проследить и положительные и отрицательные стороны этого направления. Не лишенная таланта г-жа Чарская обладает редким умением связывать в одно целое нить самых разнообразных и часто удивительных приключений. Она сама любит своих героев и героинь и, во что бы то ни стало, старается дать им победу над врагами и привести весь рассказ к благополучному концу. Нет ничего удивительного, что книги Чарской пользуются огромной популярностью среди тех детей, для которых она пишет, – это дети городской интеллигенции. Но если мы вглядимся в ряд ее героев и героинь, нас, взрослых, поражает убогое однообразие типов, рисуемых этой писательницей, это все одни и те же лица под разными именами. Так же узко и мировоззрение писательницы. Круг идей, жизненных целей, которыми руководствуются ее герои и героини, поражает своей поверхностностью, буржуазностью. <…> Признавая поэтому необходимость для детей сочинений этого направления, как отвечающих известной стороне духовных запросов ребенка и юноши, мы далеки от мысли, что детей можно оставить исключительно на этой литературе. Ее надо рассматривать как известную, неизбежную, пожалуй, стадию в детском чтении. Если вы не будете давать детям таких книг, они сами найдут себе Натов Пинкертонов с братьею и будут зачитываться ими уже без вашего ведома и руководства» (с. 38–39).

Эльдарова О. Военная детская литература // Вестник воспитания. 1915. № 8. С. 41–58.

«Совершенно особняком от разобранных рассказов стоит “повесть для юношества из великой европейской войны” Л. Чарской. Называется она **“Игорь и Милица” (Соколята)**. Воспользовавшись войной, как модным фоном, г. Чарская так же неестественно, но “захватывающе интересно” построила свой роман. Тут и скрытая влюбленность юношей, тут и геройские подвиги, которые влекут к себе сердца детей, тут и эффектные, действующие на нервы места страшной развязки, развязный язык, тут много всего дешевого, чтобы удержать в своих руках внимание юных читателей. В читателях г. Чарская создает искусственный подъем искусственными средствами, – искусственными, потому что мало правды, неподдельной действительности и искренности во всем том, что она пишет. В качестве иллюстрации мысли передам вкратце содержание этой объемистой (388 стр.) повести г. Чарской.

Дело происходит, как обычно во всех романах г. Чарской, в институте. Главным действующим лицом повести является кончающая курс сербка Милица. Грезы мечты, – удел этой чуткой девушки. Но вот над ее родиной нависает темная туча войны. В политике Милица оказывается такой же чуткой и проницательной. Она проницательнее даже, чем многие из современных политиков. Как только Милица прочитала о сараевском убийстве, она уже знает, что Австрия сделает все, чтобы извлечь как можно больше выгоды за счет Сербии. Милица уже чувствует неизбежность войны. Устами Милицы, институток, институтской начальницы г. Чарская уверенно, на весьма мало обоснованно повествует о “желании тевтонов так или иначе, во что бы то ни стало, добиться войны с нами”, о “подпольных интригах”. В то же время она уверена, что в такое тяжелое время не оставит ее родину “Наш Ангел Государь”. Война, которую предчувствовала Милица, начинается. Начинаются проводы и отправка войск. Покидают Петроград и призванные на военную службу сородичи Милицы. Получив отпуск из института к своей тетки, Милица принимает живейшие участие во всевозможных манифестациях и проводах. Она вся горит. Сердце ее дрожит и колотится в груди бурно, бурно, когда перед Зимним дворцом “как один человек опускается огромная многотысячная толпа на колени”, когда в темнеющем просвете появляется “Тот, от Кого зависела и честь, и мощь, и слава великой родины русского народа”. В такой же экзальтации, осыпая цветами, провожает Милица своих соплеменников на войну. Вся это экзальтация деланная, неестественная, и когда у писательницы прорываются искренние нотки, то видно, что ее восторженной героине было нужно и приятно другое. Ей приятно и ее трогает, что случается то, “на что она не смела даже надеяться”. “Нежный белый цветок лилии упал прямо на грудь капитана Львовича. Офицер быстро подхватил его и быстро повернул голову в ту сторону, откуда прилетел к нему этот белый цветок”. Глаза их встречаются, он машет ей цветком и “осторожно и нежно” прижимает к своим губам его белые лепестки. Как много Чарской в таком маленьком отступлении. Далее на фоне совершающихся событий роман развертывается следующим образом. Во время одной из манифестаций Милица знакомится с гимназистом Игорем, с которым решают бежать на войну. Милица принимает вид и образ мальчика, и оба они отправляются с частью в поход, и там на войне совершают чудеса храбрости и геройства. Им поручаются начальством самые ответственные опасные разведки.

Во время этих разведок они не раз попадают в руки неприятеля, приговариваются к смертной казни, но каким-то созданным г. Чарской чудом спасаются. В описании подвигов своих “Соколят” г. Чарская не жалеет красок. Милица убегает чуть ли не от 7 немцев, Игорь перед казнью произносит целые речи на тему о героическом занятии “нашими чудо-богатырями древних городов Галича и Львова”, тут же он просит его расстрелять, а не повесить, как приговоренного, тут же обрывается его мысль на полуслове. Грянул выстрел. Но… оказалось, стреляли русские в венгерского гусара, наведшего уже револьвер на Игоря. Кончается подвиг Игоря, начинается описание подвига Милицы. Она попадает также в плен к неприятелю, но из этого плена г. Чарская освобождает свою героиню с помощью сердобольного молодого немецкого солдата, и повесть кончается тем, что Милица раненая попадает в лазарет, а из лазарета опять в любимое место г. Чарской – институт, где на этот раз она, наверное, будет мечтать о своем Игоре. Так верной себе в отклике на современную войну осталась г. Чарская.

Такова в общих чертах та литература, которая в связи с войной возникла для детей. Как видим из анализа имеющихся художественных произведений, это литература какой-либо художественной ценности, за исключением единичных случаев, не представляет» (с. 55–58).

Rossica // Известия Вольфа. 1915. № 1. Разд. паг. Стб. 8–9.

«Война остановила издание многих задуманных французскими издателями переводов книг русских авторов. Между прочим, приостановлено издание во французском переводе серии рассказов для юношества Л.А. Чарской, из каковой серии предполагалось выпустить **“Княжну Джаваху”**, **“Люду Влассовскую”** и др.»

Rossica // Известия Вольфа. 1915. № 11. Разд. паг. Стб. 161–162.

«Во Франции участился за последнее время спрос на литературу переводов русских книг для юношества. Таких книг, изданных еще до войны, имеется несколько десятков, в том числе произведения Немировича-Данченко, Станюковича, Желиховской, Чарской, Сливницкого и др.» (стб. 161–162).

Сведения об авторе:

Мария Михайловна Громова,
мл. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariya M. Gromova,
Junior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
marija.gromova@list.ru